

М. В. Крюков

О ПРИНЦИПАХ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Определяя исследовательские задачи археологической науки, Г. Чайлд писал некогда, что археологу обычно недоступна и неинтересна судьба каждой отдельной вещи, обнаруженной им при раскопках; он имеет дело и должен иметь дело только с абстракциями, которые называют типами \ Сказанное в полной мере справедливо и в отношении этнографии—хотя бы уже потому, что вообще «всякий познавательный процесс связан с необходимостью группировки изучаемых явлений и отнесения каждого нового объекта, входящего в поле зрения исследователя, к той или иной группе объектов»². На деле любое этнографическое исследование невозможно без подобной группировки, иными словами, без обращения к типологическим категориям. Однако отнюдь не всегда проблема типологии эксплицитно присутствует в анализе этнографического материала. Более того, лишь сравнительно недавно этнографы стали ощущать настоятельную потребность детально разобраться в методике типологических исследований. Когда же, опираясь на огромный накопленный материал и на результаты его систематизации и обобщения, этнографы, наконец, занялись обоснованием этих общих принципов, обнаружили значительные расхождения в подходе к проблеме типологизации явлений культуры.

Сам по себе этот факт вполне закономерен и естествен. Аналогичный «кризис типологии» в последние десятилетия наметился и в археологии, продвинувшейся сегодня в области типологических исследований несколько дальше по сравнению с этнографией. Данное обстоятельство отчасти облегчает задачи этнографов, которые могут воспользоваться как позитивными, так и негативными результатами исследований археологов, а также, разумеется, и лингвистов, первыми из представителей гуманитарных наук обратившихся к проблеме типологии.

В самом подходе к определению понятия «тип» так или иначе отражаются две различные позиции исследователя. Первая из них, восходящая к традициям античной науки и в наше время в своей первоначальной форме никем, как кажется, не разделяемая, основана на понимании типа как некой неизменной органической сущности вещей. Вторая позиция связана с представлением о типах и системе типов (типологии) как об определенном методологическом средстве, используемом для проникновения в сущность исследуемых объектов.

В соответствии с этим второй подход предполагает, что любая типология представляет собой некую абстракцию — идеальную модель, отражающую некоторые существенные признаки определенного множества явлений, но заведомо игнорирующую другие его признаки, рассматриваемые в данном случае как несущественные. Поэтому для одного и того же множества изучаемых объектов в зависимости от цели исследования может быть создано несколько принципиально различных типологий. Этот вывод, логически вытекающий из сути общепринятого в наше время (второго) подхода к определению понятия «тип», тем не менее раз-

¹ Child G. Piecing Together the Past. N. Y., 1956, p. 3—4.

² Каган М. С. Классификация и систематизация.—В кн.: Типы в культуре. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979, с. 6.

деляется отнюдь не всеми современными исследователями. Так, в археологии «только недавно было осознано (очень немногими), что даже исследовательских группировок, причем правильных, для каждого материала может быть несколько, а надежда выявить универсальную группировку является утопией»³.

Таким образом, приступая к типологическому исследованию, необходимо предельно четко сформулировать его задачу, что и должно определить выбор параметров создаваемой типологии. К сожалению, в целом ряде работ, посвященных типологии тех или иных явлений культуры, это требование оказывается несоблюденным. Наиболее отчетливо данное обстоятельство проявилось в опубликованных за последние годы исследованиях по типологии такого важного аспекта традиционной материальной культуры, каким является жилище, впрочем, может быть, именно потому, что этой проблеме наши этнографы уделяют сейчас особенно много внимания. Для большей четкости изложения я в дальнейшем буду оперировать преимущественно материалами по типологии жилища, хотя обсуждаемые здесь вопросы имеют отношение к любым явлениям культуры, исследуемым этнографическими методами⁴.

В недавно вышедшей содержательной монографии «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии» есть введение, озаглавленное. «Основные принципы типологизации», однако формулировка целей исследования в нем отсутствует. Поэтому трудно согласиться с некоторыми конкретными выводами, сделанными в этой книге. Так, В. С. Стариков и Н. Н. Чебоксаров пишут: «Крестьянский дом с каном настолько своеобразен, что можно говорить о существовании особого маньчжуро-китайского типа сельского жилища»⁵. Между тем выделение особого типа жилища, характеризующегося наличием такого отопительного устройства как кан, может быть абсолютно правильным в рамках типологической схемы, обусловленной одной исследовательской задачей, и в то же время неосновательным при группировке анализируемых объектов по другим признакам. В приведенной выше формулировке слышится отзвук тезиса о существовании в самой объективной реальности типов как таковых, вне зависимости от познавательных установок исследователя.

Центральным, лежащим в основе любой типологии, является понятие «тип». Однако этот важнейший термин употребляется в этнографической и археологической литературе в различных значениях. Одни археологи понимают под типом набор взаимосвязанных признаков (Я. А. Шер), другие — совокупность схожих объектов (М. П. Грязнов). Иногда этим термином обозначают любой набор признаков (Чжан Гуанчжи), в других случаях — лишь устойчивое сочетание признаков (А. Сполдинг), в третьих — ячею на определенной ступени систематики (В. А. Городцов). В равной мере типами называют как монотетические множества, обладающие обязательным набором четких признаков и резко очерченными границами (М. Мальмер), так и множества политетические, выделяемые лишь по сгущениям наиболее тесно взаимосвязанных признаков (А. Крёбер). Археологи зачастую применяют также и другие термины, по крайней мере частично совпадающие по своему значению с «типом»:

³ Типы в культуре, с. 55.

⁴ За последние годы общие проблемы типологии культуры обсуждались как в связи с теорией хозяйственно-культурных типов (сводку данных см.: Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — Сов. этнография, 1972, № 2, с. 3—16), так и применительно к отдельным сферам материальной культуры, например пищи (см.: Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии. М.: Наука, 1981). Рассматривались также специфические проблемы типологического изучения фольклора (Мелетинский Е. М. Сравнительная типология фольклора. — В сб.: Philologica. Исследования по языку и литературе. Памяти академика В. М. Жирмунского. М.: Наука, 1973, с. 385—393; Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976).

⁵ Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М.: Наука, 1979, с. 138.

«класс», «группа», «вид», «категория» и т. д., причем употребление их неустойчиво и лишено необходимой четкости⁶. Не случайна, видимо, песимистическая реплика Дж. Кауэна: «Сугубо невозможно ответить на вопрос, что такое тип на самом деле»⁷.

Значительный терминологический и понятийный разнобой существует в этом отношении и в этнографической литературе. Специалисты отмечают, что до сих пор не обращалось должного внимания на необходимость упорядочения таких терминов, как «комплекс», «тип», «подтип», «вариант»⁸. Действительно, в специальной монографии по типологии жилища у народов Азии, о которой я уже упоминал, термины «конструктивный тип», «локальный тип», «подтип» употреблены в единой таксономической системе, однако кроме них авторы используют также термины «вид» и «вариант», не оговаривая соотношенности их с основными типологическими единицами⁹.

И все же за видимой пестротой словоупотребления обрисовывается нечто общее. Расхождения, в сущности, касаются вопроса о том, является ли тип сочетанием признаков или совокупностью объектов. Здесь мы сталкиваемся с тем, что типологизацией в нашей литературе зачастую называют две существенно различные исследовательские процедуры — индуктивную и дедуктивную.

Первая из них ставит своей целью упорядочение эмпирического многообразия явлений действительности посредством объединения их в группы, выделенные по определенным признакам. Вторая процедура заключается в выявлении качественных характеристик изучаемого множества явлений, а затем — в построении системы моделей, обладающих определенным набором дифференцирующих признаков. Обе процедуры имеют как положительные, так и отрицательные стороны¹⁰.

По мнению М. С. Кагана, научные достоинства индуктивного подхода состоят в том, что а) он исходит из реально наличествующего разнообразия объектов; б) объединяя одни объекты и исключая другие, он тем самым раскрывает реальные связи и отношения объективного мира, свойственную им диалектику единичного, особенного и общего; в) имея возможность группировать явления практически в неограниченном количестве направлений, он способен отвечать многообразным познавательным потребностям¹¹.

Вместе с тем индуктивный подход обладает и рядом недостатков: а) он исходит из признания любого классификационного признака лишь относительно необходимым, а осуществляемую группировку явлений условной; б) при таком подходе невозможно выявить соотношение различных классификационных плоскостей, поскольку каждая из них автономна и никак не связана с другими; в) индуктивный подход не способен выявить внутреннюю организацию группируемого множества, которое остается простой совокупностью явлений¹².

Достоинства дедуктивной процедуры исследования состоят как раз в том, что она преодолевает недостатки индуктивного подхода. В этом случае исследователь исходит не из эмпирически данного и потому неизбежно случайного по составу и объему множества явлений, а теоретически конструирует идеальный объект как некую целостность. Поэтому индуктивная классификация открыта для любых вновь обнаруживаемых явлений и их признаков, тогда как система дедуктивно сконструированных идеальных моделей имеет закрытый характер. Более того, создание ее заставляет предполагать существование таких конкретных явлений, которые еще не известны науке. Однако отсюда же проистекает и недостаток дедуктивного подхода: при определенных условиях эта процедура

⁶ Типы в культуре, с. 53.

⁷ Там же, с. 50.

⁸ Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации. — Сов. этнография, 1976, № 4, с. 38.

⁹ Типы традиционного сельского жилища..., с. 27, 116.

¹⁰ Каган М. С. Указ. раб., с. 6.

¹¹ Там же, с. 7.

¹² Там же, с. 7—8.

может превратиться в чисто абстрактное конструирование, отвлеченное от реальности «системосозидание»¹³.

В нашей литературе не существует единой устоявшейся терминологии для обозначения этих двух исследовательских процедур. Нередко первую из них называют «классификацией», вторую — «систематизацией»¹⁴, иногда эти термины употребляются как синонимы. Зачастую результат упорядочения множества в равной мере называют «классификацией», «типологией», «систематикой» или «таксономией». Можно, наконец, встретить утверждение, что «классификация, построенная по комплексу характерных признаков, поднимается до уровня типологии»¹⁵ и т. д. Исходя из признания существенных различий между двумя упомянутыми познавательными процедурами, представляется необходимым закрепление за каждой из них строго определенного обозначения. Целесообразным было бы называть первую из них классификацией, вторую типологией. В этом случае под «классом» следовало бы понимать ту или иную совокупность реальных объектов, сгруппированных по определенным признакам, а под «типом» — некий идеальный объект, сконструированный исследователем с учетом совокупности признаков. Надо подчеркнуть, что в отличие от археологов этнографы в большинстве своем определяют «тип» не как совокупность объектов, а как «комплекс признаков»¹⁶, «комплекс черт»¹⁷ и т. п.

Практика типологических исследований показывает, что признаки, используемые для конструирования типов, могут быть существенно различными. Некоторые из них имеют дихотомический характер, т. е. предполагают две взаимоисключающие реализации. Таковы, например, признаки Б и Д, предложенные в книге «Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии». Авторы введения к этой работе отмечают, что в данном случае в качестве одного из важнейших критериев типологизации приняты основные конструктивные приемы сооружения жилых и хозяйственных построек (признак Б). Это позволяет разграничить постройки с кровлей, покоящейся на каркасно-столбовой конструкции (В₁), и постройки с «несущими» стенами (Б₂)¹⁸. Далее те же авторы рекомендуют обратить особое внимание на расположение очага, которое влияет на всю внутреннюю планировку и в значительной мере определяет интерьер дома (признак Д): очаг может быть расположен либо вне дома (Д₄), либо внутри его (Д₂)¹⁹.

Однако отнюдь не все признаки, используемые в типологическом исследовании, могут иметь дихотомический характер. Дело в том, что «наряду с многочисленными бинарными делениями (скажем, верх — низ, форма — содержание и т. д.) познание нередко обращалось к троичному делению... В ряде случаев систематизация устанавливает наличие четырех и более компонентов, располагающихся на одном и том же уровне»²⁰. Поэтому нет необходимости ограничивать анализ только бинарными оппозициями²¹. В упомянутой выше типологии некоторые признаки имеют, например, три реализации. К ним относится признак А (стационарность): А₁ — постоянные жилища, А₂ — переносные (разборные), А₃ — временные. Таков же характер признака Г (положение пола относительно поверхности земли): Г₁ — углубленные жилища, Г₂ — наземные,

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 6.

¹⁵ Чеснов Я. В. О принципах типологии традиционно-бытовой культуры. — Проблемы типологии в этнографии. М.: Наука, 1979, с. 191.

¹⁶ Типы традиционного сельского жилища..., с. 10.

¹⁷ Чеснов Я. В. Указ. раб., с. 189.

¹⁸ Типы традиционного сельского жилища..., с. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Каган М. С. Указ. раб., с. 9.

²¹ Чеснов М. Л. Формальные методы изучения систем родства в современной американской этнографии. — В кн.: Этнологические исследования за рубежом. М.: Наука, 1973, с. 157.

Г₃—свайные²². Называются также признаки, имеющие пять или даже семь реализаций²³.

Отсюда следует, что главным требованием, предъявляемым исследователем к избранному им признаку, является не число его возможных реализаций, а «сохранение единого принципа деления для каждой классификационной задачи»²⁴. Между тем этому требованию не отвечает, например, признак Г в формулировке, которая предложена в рассматриваемой типологической схеме. В самом деле, с точки зрения положения пола относительно поверхности земли «углубленным» постройкам (землянкам и полуземлянкам) и наземным жилищам, в которых пол совпадает с поверхностью земли или только немного приподнят над ней благодаря наличию цоколя, авторы противопоставляют свайные постройки, где «пространство под сваями используется как хлев и птичник»²⁵. Но если разграничительным признаком здесь является не наличие свай как таковых, а положение пола относительно земли, то свайная постройка не должна противопоставляться двухэтажному тибетскому жилищу с нижним этажом без окон, где содержится скот, и вторым жилым этажом²⁶. Различие между ними заключается не в положении пола относительно поверхности земли, а в «основной конструкции» (признак Б): свайная постройка характеризуется каркасно-столбовой основой дома, тогда как тибетское жилище имеет несущие стены. Тем не менее авторы утверждают, что тибетский дом относится к числу наземных²⁷. Подобный же недостаток свойствен и приведенной в книге таблице основных конструктивных типов традиционного жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии²⁸. Кроме того, система типов жилища, будучи представлена в виде таблицы, обнаруживает и другой существенный недостаток. Оказывается, что некоторые из принятых критериев (признаков) не имеют однозначного разграничительного значения для выделения того или иного типа. Так, форма жилища несущественна ни для «тайско-малайского платформенного дома», ни для «центрально-южнокитайского» или «тайваньского»; положение очага может не приниматься в расчет при выделении «монкхмеро-индонезийского», «тайско-малайского», «яванско-балийского», «японского» и «центрально-южнокитайского» жилища, потому что в домах этих типов очаг может находиться как вне дома, так и внутри его.

Наконец, анализ таблицы показывает, что посредством семи предложенных признаков невозможно разграничить, например, «корейский» и «маньчжуро-китайский» типы жилища, так как и в том и в другом случае мы имеем дело с постоянными каркасно-столбовыми постройками прямоугольной формы с очагом внутри дома и облегченной, высокой и крутой ступенчатой-столбовой крышей со скатами. Правда, авторы поясняют, что корейский дом характеризуется наличием особого отопительного устройства — ондоля, тогда как маньчжуро-китайское жилище отапливается каном. «Главное различие между ондолем и каном состоит в том, что в первом подогретый воздух циркулирует под приподнятой лежанкой, тогда как во втором воздух этот распространяется непосредственно под полом»²⁹. С этим можно было бы согласиться, однако, поскольку авторы не ввели дополнительного признака (например, «сфера циркуляции подогретого воздуха внутри отопительного устройства»), различие между ондолем и каном оказывается нерелевантным для противопоставления жилищ «корейского» и «маньчжуро-китайского» типов. Это тем более очевидно, что авторы вслед за этим утверждают: «Большое функциональное сходство кана и ондоля, почти не имеющих аналогов нигде в мире за пределами Северного Китая (с Маньчжурией) и

²² Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

²³ Там же.

²⁴ Каган М. С. Указ. раб., с. 9.

²⁵ Типы традиционного сельского жилища..., с. 251.

²⁶ Там же, с. 181.

²⁷ Там же, с. 265.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 255.

Кореи, позволяет предполагать единый, скорее всего протокорейский или протоманьчжурский очаг их происхождения»³⁰.

Весьма непоследовательно разработан в монографии вопрос о соотношении вьетнамского (вьетского) и центрально-южнокитайского типов жилища. По большинству дифференциальных признаков эти типы не различаются между собой. Это — постоянные каркасно-столбовые наземные постройки с облегченной, высокой и крутой ступенчато-столбовой крышей со скатами. Различия между ними прослеживаются, казалось бы, лишь в форме жилища и расположении очага: вьетнамский дом прямоугольный в плане, а центрально-южнокитайский прямоугольный или круглый. В первом очаг всегда расположен вне дома, во втором — либо внутри дома, либо вне его. Неоднозначная реализация этих двух признаков в выделенном авторами «центрально-южнокитайском» жилище уже сама по себе свидетельствует о том, что данный тип включает в себя разнородные компоненты, которые в типологической системе требуют разграничения. Читатель, ознакомившийся с главой «Жилище народов Китая», узнает, что «центрально-южнокитайский» тип жилища включает два подтипа — центральнокитайский и южнокитайский. Оказывается, что «для южнокитайского подтипа жилища более характерна кухня в отдельной постройке, на расстоянии нескольких-метров от жилых зданий»³¹. Этого, видимо, уже достаточно для того, чтобы противопоставить два данных подтипа в качестве самостоятельных типов жилища. Точно так же есть основания выделять в рамках данной типологической схемы отдельный тип жилища, локализованный в провинции Фуцзянь и характеризующийся круглой формой. В. С. Стариков и Н. Н. Чебоксаров полагают, что, «несмотря на все своеобразие фуцзяньских домов-деревень» по основным конструктивным приемам сооружения каркаса, по материалу стен (теперь обычно кирпичных) и покрытия (черепица), по внутренней планировке эти дома полностью сохраняют все традиционные черты, характерные для жилища китайцев вообще»³². Однако ни конструктивные приемы сооружения каркаса, ни материал стен и покрытия, ни внутренняя планировка не учитываются в обсуждаемой системе типов в качестве дифференцирующих признаков. А если это так, то сформулированные авторами семь критериев все же не позволяют типологически разграничить южнокитайское и вьетнамское (вьетское) жилища.

Заметим, что авторы монографии о типологии жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии попытались, хотя и весьма непоследовательно, применить для типологического анализа обобщенного ими материала технику компонентного исследования, получившую за последние десятилетия довольно широкое распространение главным образом в такой специфической области этнографии, как системы родства. Метод компонентного анализа хорошо известен этнографам, поэтому нет необходимости подробно характеризовать его особенности, тем более что это уже сделано М. А. Членовым в специальной статье³³.

Отмечу лишь, что задача компонентного анализа терминов родства заключается в нахождении так называемых сигнификатов этих терминов. В качестве одного из примеров применения компонентного анализа М. А. Членов называет исследование А. Уоллесом и Дж. Эткинсом английской системы терминов кровного родства³⁴. Эти ученые предложили три признака («дифференциальных переменных»), посредством которых оказывается возможным однозначное употребление сигнификатов каждого термина (С — латеральность: С₄ — линейные родственники; С₂ — Кб — линейные родственники, все предки которых являются предками Эго или те, для которых предки Эго будут и их предками; С₃ — аблинейные родственники, или кровные родственники, не являющиеся ни линейными, ни колинейными; В — поколение: Vi — второе восходящее поколение; В_а —*

³⁰ Там же.

³¹ Там же, с. 141.

³² Там же, с. 147.

³³ Членов М. Л. Указ. раб., с. 150—161.

³⁴ Там же, с. 154—155.

первое восходящее поколение; V_3 — поколение Эго; V_4 — первое нисходящее поколение; V_5 — второе нисходящее поколение; А — пол альтера: A_4 — мужчина; A_2 — женщина).

Процедура нахождения сигнификатов терминов родства в принципе аналогична задаче, стоящей перед исследователем типологии явлений в других сферах культуры: каждый из выделенных типов должен иметь свой сигнификат, выраженный однозначным сочетанием признаков. Нетрудно убедиться в том, что сигнификаты типов жилища народов Азии, представленные в виде таблицы³⁵, этому требованию не удовлетворяют.

Количество выделяемых признаков (дифференциальных переменных), используемых для выражения сигнификатов каждого из типов, может быть различным. Применение хотя бы одной дифференциальной переменной позволяет построить по крайней мере две наиболее общие модели. Именно по этому пути поищи некоторые советские исследователи жилища. М. В. Битов, например, положил в основу своей типологии характер расположения и группировки построек, входящих в комплекс жилища³⁶, а Е. Э. Бломквист и позднее И. В. Маковецкий — планировку жилого дома³⁷. Первый из этих принципов был позднее использован В. А. Липинской³⁸, второй — авторским коллективом работы «Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы».

В последней помимо всего прочего специально обосновывается тезис: типология элементов культуры, распространенных в пределах крупных историко-этнографических областей, вообще должна строиться на основе одного признака. Жилище можно классифицировать, пишут Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова и С. А. Токарев, по различным признакам — по материалу и строительной технике, по вертикальному развитию, по особенностям крыши, по горизонтальной планировке и т. д. Каждый из этих способов классификации может дать вполне четкое распределение типов, которое может быть картографировано. Однако «наложение таких карт одной на другую может и не дать никакой единой систематики жилища»³⁹. Если же с самого начала группировать материал по совокупности признаков, это также «неизбежно приведет не к общей систематике типов построек в Европе, а лишь к выделению локальных типов и разновидностей, число которых может оказаться неопределенно велико. Поэтому в основу классификации следует положить один какой-то наиболее существенный признак»⁴⁰.

Здесь мы непосредственно сталкиваемся с одной из кардинальных проблем любого типологического исследования — относительной значимостью дифференциальных переменных. Для типологии отнюдь не безразлична та последовательность, в которой располагаются избранные исследователем признаки. Это связано с тем, что введение каждого последующего признака изменяет таксономический уровень получаемой модели. Чем больше признаков при этом учитывается, тем более частный характер имеет выводимый таким образом тип. Поэтому любая типология как система типов всегда носит иерархический характер.

Предлагая свою типологию сельского жилища народов Зарубежной Европы, Н. Н. Грацианская, Н. М. Листова и С. А. Токарев утверждали, что они избрали основанием типологии планировку жилища «по многим соображениям, излагаемым в дальнейшем на конкретном материале»⁴¹.

³⁵ Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

³⁶ Битов М. В. Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища (классификация типов застройки усадьбы). — Вестн. Моск. ун-та, сер. истор.-филол., 1958, № 4.

³⁷ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. — В кн.: Восточнославянский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1956; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье, М.г Изд-во АН СССР, 1962.

³⁸ Липинская В. А. Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. — Сов. этнография, 1975, № 5.

³⁹ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы. М.: Наука, 1968, с. 9.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

К сожалению, принцип выбора ведущего признака по его относительной значимости теоретической разработки все же в их книге не получает.

В монографии, посвященной типологии традиционного жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии, была предпринята попытка обосновать применявшийся авторами алгоритм иерархии признаков. В основу выделения наиболее крупных категорий, или таксонов первого порядка, в этой книге положен критерий стационарности, определяемый образом жизни — оседлым, кочевым или бродячим. Введение критерия стационарности позволяет выделить категорию постоянных жилищ, которые затем анализируются на нескольких уровнях абстракции, тогда как временные жилища вообще не включены в итоговую таблицу типов — «в силу их разнообразия, неустойчивости конструкции и формы»⁴² или что то же самое —: в силу неприменимости к ним большинства признаков последующих таксономических уровней. При этом последовательность выделения этих более низких уровней осталась необъясненной. Так, неясно, почему форма жилища принята в качестве третьего уровня иерархии признаков, а положение пола относительно поверхности земли — в качестве четвертого и т. д.

Весьма интересный опыт исследования закономерностей иерархического соподчинения отдельных признаков жилища был предпринят З. И. Етоевой, изучавшей под руководством В. В. Пименова традиционное жилище вепсов, карелов и русских. Одну из своих главных задач З. И. Етоева видела в установлении характера взаимодействия признаков. Рассматривая конструкцию жилища как объект, обладающий целостностью, т. е. как систему, она использовала статистические методы для определения степени интенсивности внутренних связей между элементами, составляющими структуру исследуемого объекта. В качестве меры взаимосвязи в данной работе был использован коэффициент взаимной информации, отражающий степень разнообразия характеристик (вариантов) одного признака по отношению к характеристикам другого признака. Выяснилось, что наиболее активными среди всех других формально-морфологических признаков жилища оказались «варианты соединения камер дома»: они связаны с наибольшим числом признаков, причем сила взаимодействия с этими признаками особенно велика⁴³. Пока еще трудно судить в полной мере об эффективности примененной методики, однако представляется весьма целесообразным проверить ее в дальнейшем на материале других регионов.

Выбор некоторого конечного числа дифференциальных признаков (теоретически набор переменных, которые могут быть использованы для построения типологии данного множества явлений, бесконечен) и определение их иерархической соотнесенности тесным образом связаны с проблемой выявления того таксономического уровня, модели которого рассматриваются в том или ином случае как основные (т. е. являются «типами» в узком смысле слова; соответственно модели более высокого уровня могут быть обозначены как «группы типов», более низкого — как «подтипы», «варианты» и т. д.). Пока что сравнение типологий традиционного жилища, разработанных на материале стран Европы и Азии, обнаруживает несовместимость выделенных типов. Это, разумеется, не случайно: планировка жилища, служащая основанием первой типологии, во второй вообще не учитывалась в качестве самостоятельного дифференциального признака. Правда, Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова и Я. В. Чеснов, перечислив все избранные ими дифференциальные переменные, добавляют: «Типологический анализ на этом не кончается, так как при характеристике любого жилища нельзя пройти мимо его планировки, горизонтального и вертикального развития, хотя указанные при-

⁴² Типы традиционного сельского жилища..., с. 265.

⁴³ Етоева З. И. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 87—89.

По сходной методике исследование мордовского жилища осуществил В. Ф. Вавилин (см. Вавилин В. Ф. Сельские поселения и жилища мордвы на территории Мордовской АССР: Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР 1976).

знаки очень трудны для обозначения буквенными индексами из-за крайне широкого спектра их вариаций»⁴⁴. Дело, разумеется, не в трудности того или иного способа их обозначения, а в том, что с точки зрения авторов данной типологии от каких-то переменных позволительно абстрагироваться. Введение¹ их в парадигму привело бы к построению моделей таксономически более низкого уровня, чем «тип». С этих позиций становится объяснимым и противоположный случай, отмеченный Н. Н. Грацианской, Н. М. Листой и С. А. Токаревым: в схеме универсальной классификации типов жилища Ж. Монтандона вся Европа показана как область распространения одного-единственного типа⁴⁵. Действительно, типы европейского жилища, рассмотренные в масштабах типологии жилища народов Азии, представляются не типами, а подтипами или вариантами. Видимо, выбор основного таксономического уровня типологии жилища того или иного региона возможен лишь на базе проработки этнографического материала по всем основным регионам Земного шара.

В связи с этим встает также вопрос о соотносительности типов, выделенных на материале одного какого-либо региона, с тем или иным этносом. Дело здесь не только в том, что ареалы отдельных явлений культуры могут не совпадать с ареалами отдельных этносов. При эмпирическом многообразии жилища народов мира в рамках типологии азиатского жилища немецкий фахверковый дом, например, должен быть отнесен к тому же типу, что и северокайская фанза, так как в обоих случаях мы имеем дело со стационарным наземным каркасно-столбовым жилищем прямоугольной формы с очагом внутри дома. Между тем несомненно, что они генетически не связаны друг с другом и не принадлежат к одному ареалу.

В какой мере конструируемые исследователем модели имеют реальную этническую основу?

Определяя задачи типологического исследования, О. Сполдинг писал, что типология должна представлять собой «процесс открытия комбинаций признаков, предпочитавшихся создателями артефактов, а не произвольную процедуру исследователя»⁴⁶. Однако если сам по себе выбор признаков определяется целями исследования, то возникает противоречие, на которое уже неоднократно обращалось внимание. Даже при изучении таких четко структурированных систем, как, в частности, терминологии родства, обнаруживается возможность построения нескольких аналитических моделей для одного и того же набора объектов. Это заставляет задуматься над вопросом: в какой мере предложенная схема отражает бытовую реальность и ход мышления самих носителей системы?⁴⁷

Существенно важными для понимания отмеченного противоречия представляются некоторые положения структурной лингвистики. Важным достижением языкознания первой половины XX в. было, в частности, создание фонологической теории, основанной на противопоставлении звуков речи, обладающих некими акустическими характеристиками, и фонем, имеющих смысловозначительное значение. Соответственно размежевание фонетики, изучающей звуки и их физическую природу, и фонологии (фонемики), исследующей системы фонем, оказало стимулирующее воздействие на развитие ряда смежных областей гуманитарных наук. Как было справедливо отмечено К. Пайком, подобное противопоставление свойственно не только языку, но и культуре в целом. Первый аспект, имеющий дело с внешней спецификой культурных явлений, он предположил называть этным (etic от phonetic), второй, вскрывающий соотносительность этих явлений в системе культуры,—эмным (emic от phonemic)⁴⁸. Различение эмпирически наблюдаемых «свойств» (этный

⁴⁴ Типы традиционного сельского жилища..., с. 10.

⁴⁵ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы, с. 5.

⁴⁶ Spaulding A. S. Statistical Techniques for the Discovery of Artifact Types.— *American Antiquity*, 1953, v. 18, № 3, p. 305.

⁴⁷ Членов М. А. Указ. раб., с. 155.

⁴⁸ Типы в культуре, с. 62.

аспект) и культурно-значимых «признаков» (эмный аспект) получило распространение в современной зарубежной фольклористике благодаря исследованиям А. Дандиса и в советской науке после работ Е. М. Мелетинского⁴⁹. Это способствовало осознанию того факта, что обычно применяемая стратегия типологического исследования как таковая не может вскрыть осознаваемую самими носителями традиции «эмную» закономерность соотношения отдельных компонентов структуры изучаемого явления. Если двигаться в направлении от признака к культуре, то «весь процесс группировки, предусматриваемый данной стратегией, в чистом виде может протекать только по этному руслу. Сам по себе он в эмное русло не перейдет и к эмным абстрактам не приведет... Полученные абстракты (центральными среди них оказываются «эмпирические типы») могут иметь культурное значение, а могут и не иметь его; ранговые различия рубежей между ними в эмном русле остаются неизвестными»⁵⁰.

Эти соображения, высказанные археологами, в принципе полностью применимы и к этнографическому материалу. В литературе нередко приходится встречать утверждения относительно того, что конструируемые исследователями типы являются «этнографическими», но это еще не означает, что они же одновременно и этнически значимы. Разрабатывая свою типологию сельского жилища Болгарии, Л. В. Маркова положила в ее основу не морфологический, а функциональный принцип (использование помещений) и связанную с этим их группировку, подчеркивая, что «такой подход важнее всего для этнографической типологии жилища (в отличие от архитектурной и прочей)»⁵¹. Авторы книги о типологии сельского жилища народов Азии утверждают, что «основной принцип выделения типов жилища в данной монографии следует обозначить как этногеографический»⁵². Я. В. Чеснов в статье, посвященной принципам типологии традиционно-бытовой культуры, употребляет термины «этнографический тип», «конкретно-этнографический тип», «этнографически бытующий тип». При этом он считает, что типологии по формально-морфологическим признакам «подчеркивают субстанционные черты предметов и сами по себе не являются этнографическими»⁵³. По мнению этого исследователя, формально-морфологическая типология орудия будет технологической, жилищ — строительно-архитектурной. Для создания этнографической типологии необходимо исходить из анализа специфических характеристик изучаемых явлений культуры — «признаков-условий»⁵⁴.

К «признакам-условиям» этнографического типа Я. В. Чеснов относит прежде всего: «а) его устойчивость, порождаемую преемственностью производственно-бытовых процессов и нормативностью идейно-эстетических представлений, входящих в сферу этнического самосознания, и б) связанную с этим свойством ареальность типа»⁵⁵. В иерархии признаков, определяющих этнографический тип, «признаки-условия» занимают верхний уровень, формально-морфологические — нижний. Кроме того, Я. В. Чеснов предлагает учитывать еще один, средний уровень — «признаки типологического взаимодействия», к которым он причисляет изофункциональную соотнесенность и направленность варьирования. В итоге автор приходит к выводу, что «конкретный тип можно характеризовать набором формально-морфологических признаков, но определяют его признаки верхнего и среднего уровня»⁵⁶.

⁴⁹ Dandies A. Texture, Text and Context, — Southern Folklore Quarterly, 1964, v. XXVIII, № 4, p. 264 and al.; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. Иногда употребляются менее удобные варианты терминов — «эмический» и «этический» (см., например, Землянова Л. М. Современная американская фольклористика. М.: Наука, 1975, с. 165, и др.).

⁵⁰ Типы в культуре, с. 66.

⁵¹ Типы сельского жилища в странах Зарубежной Европы, с. 12.

⁵² Типы традиционного сельского жилища..., с. 10. *

⁵³ Чеснов Я. В. Указ. раб., с. 195.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 201.

Введение Я. В. Чесновым набора признаков среднего и верхнего уровней явно подсказано интуитивным стремлением преодолеть противопоставление этных и эмных характеристик, попытаться перейти из «этного» в «эмное» русло исследования. Попытку эту нельзя признать удачной. Предложенные Я. В. Чесновым признаки среднего уровня вообще не могут рассматриваться как собственно признаки, так как изофункциональность формально-морфологических переменных представляет собой требование, которому должны отвечать любые переменные, в противном случае они вообще неприменимы в качестве основания типологизации. То же относится и к ареальности явления. Постулируемое Я. В. Чесновым положение о способности признаков-условий разделять сходные в формально-морфологическом отношении явления осталось недоказанным, а приведенный пример³⁷ — неубедительным: южнокитайский и вьетнамский типы жилищ распространены в пределах соседствующих ареалов, которые не разделяют, а объединяют эти типы.

По-видимому, приходится признать, что переход от «этного» аспекта к «эмному» в рамках одной типологической схемы невозможен. Это означает, что сама по себе такая типология не может быть этнографической. Один и тот же материал можно систематизировать посредством нескольких различных типологических схем, каждая из которых будет так или иначе полезна для этнографического исследования. В этом смысле противопоставление «этнографической» типологии жилища какой-то иной, например «строительно-архитектурной», является фикцией. Любая типология может основываться только на формально-морфологических признаках.

Ценность типологии того или иного явления культуры заключается не в том, что посредством введения неких «признаков-условий» мы можем перевести ее в сферу рассмотрения «эмных» характеристик, а в том, что сконструированные исследователем абстрактные типологические модели способны поставить перед ним познавательные задачи, неформулируемые на априорном эмпирическом уровне. Так, распространение одного и того же типа на несмежных территориях ставит проблему причин сходства, которая может решаться либо в контексте экологической обусловленности, либо на основе этнического родства или культурного взаимовлияния⁵⁸. Только в процессе решения этой проблемы — главной проблемы сравнительно-исторического метода⁵⁹ — исследователь может перейти от анализа «этных» конструкторов к выяснению «эмных» закономерностей, которые столь важны для этнографии.

³⁷ Там же, с. 199.

⁵⁸ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблема сравнительного изучения эпоса. М.: Наука, 1958, с. 6—7.

⁵⁹ Подробнее см.: *Периц А. И.* К проблеме сравнительно-исторического синтеза. — Народы Азии и Африки, 1980, № 4.

Ю. В. Арутюняк, А. А. Сусоколов

**ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР
КАК ИСТОЧНИК КОЛИЧЕСТВЕННОГО
АНАЛИЗА ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ**

Новые процессы и проблемы в сфере национальных отношений, постоянно возникающие в таком крупном многонациональном государстве, как наше, требуют своевременного и полного отражения в деятельности партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, хозяйственных органов. Научно обоснованная политика в области нацио-